

УДК 577.11

ГИСТОНОПОДОБНЫЕ БЕЛКИ БАКТЕРИЙ (ОБЗОР)

© 2011 г. А. М. Анучин, А. В. Гончаренко, О. И. Демидёнок, А. С. Капрельянец

Институт биохимии им. А. Н. Баха РАН, Москва, 119071

e-mail: demidenoksana@gmail.com

Поступила в редакцию 8.12.2010 г.

Рассмотрены четыре основных семейства гистоноподобных белков бактерий: HU, IHF, H-NS и FIS, объединенных на основании структурного сходства, выполняющих в клетке специфические структурные и регуляторные функции. Гистоноподобные белки осуществляют топологическую модификацию хромосомы (скручивание, изгибание, компактизация) и непосредственно регулируют функционирование промоторов отдельных оперонов. Гистоноподобные белки являются важным звеном в регуляции метаболизма клетки, участвующим в ответе на изменения внешних условий и играющим существенную роль в переходе и поддержании покоящегося состояния у бактерий.

Роль гистонов в организации хроматина является предметом подробных, имеющих длительную историю исследований в молекулярной биологии эукариотических организмов. Помимо того, что они играют роль структурных регуляторных элементов, называемых “архитектурными” белками (нуклеосомный уровень компактизации обеспечивает 6-кратное уменьшение длины фибриллы ДНК). Гистоны эукариот выступают также в роли регуляторов, конкурируя с факторами транскрипции за места связывания [1]. По аналогии с эукариотическими гистонами у прокариот выделена группа так называемых гистоноподобных белков. Это основные, ассоциированные с ДНК белки, которые характеризуются невысокой молекулярной массой (16–20 кДа) с относительно высоким содержанием в клетке [2]. Первоначальные представления о гистоноподобных белках, как организаторах бактериального нуклеоида, оказались неполными. В настоящее время накопилось достаточно данных, позволяющих утверждать, что белки этого семейства играют роль как в регуляции активности отдельных генов, так и других процессов, связанных с ДНК, таких, как рекомбинация и репликация. Выделяют четыре основные группы гистоноподобных белков, объединенных по степени гомологии аминокислотной последовательности: HU (histone-like proteins *Escherichia coli*, U93), H-NS (histone-like nucleoid structuring proteins), IHF (integration host factors), FIS (factors for inversion stimulation). Также существуют гистоноподобные белки, не имеющие гомологии с представителями четырех основных групп.

Семейство HU. Впервые HU охарактеризован в 1975 г., как гистоноподобный белок штамма *E. coli* U93 [3]. Белки семейства HU, обнаруженные практически у всех эубактерий (таблица составлена с ис-

пользованием базы данных NCBI и программы BLAST), образованы двумя субъединицами, HU α и HU β [4]. Субъединица HU представлена α -спиралью, накрытой β -слоями, которые продолжают в β -тяжи, формирующие подвижные “руки”. Эти “руки” содержат на конце остаток пролина, который позволяет изгибать ДНК путем встраивания между парами оснований [5]. По-видимому, одной молекулы HU достаточно для образования изгиба ДНК [6]. Связывание HU с ДНК имеет неспецифический характер, но существует предпочтение в связывании со структурными искажениями, такими, как разрывы одной или двух цепей, а также с репликативными вилками [7, 8]. Помимо остатков пролина, в образовании изгиба ДНК, по-видимому, вносят вклад белок-белковые взаимодействия между димерами. Такие взаимодействия, например, облегчают формирование циклических молекул ДНК *in vitro* [9]. Функциональная роль HU, как полагают, состоит в участии в процессах суперскручивания ДНК. Так хромосомы и плазмиды *E. coli*, экспрессирующей мутантный HU, частично расплетены [3, 10]. Суперскручивание ДНК, вызванное HU, приводит к стабилизации ДНК-белковых комплексов [11]. HU может быть заменен эукариотическим гистоновым белком семейства HMG1/2. Физиологические дефекты мутантов *E. coli* по генам *hupA*, *hupB* могут быть устранены продукцией митохондриального белка дрожжей HM и ядерного белка дрожжей NHP6A/B. Так же, как HU, эти белки способны связываться с ДНК, вызывая изгибы [12, 13].

Однако, кроме структурной роли, HU принимают участие в регуляции активности ряда промоторов. Так, например, HU участвуют в обеспечении GalR-зависимой репрессии промотора *E. coli galP2*. Взаимодействие HU с ДНК позволяет тетрамеру GalR формировать петлю на месте промотора. При

Степень гомологии гистоноподобных белков в некоторых таксонах бактерий по сравнению с гистоноподобными белками *E. coli*

Таксон	HU	IHF	H-HS	FIS
Actinobacteria	32–47%	–	–	–
Bacteroidetes	59–60%	–	–	Обнаружен только у <i>Parabacteroides distasonis</i> (41%)
Chlamidiae	–	25–35%	–	–
Cyanobacteria	41–47%	–	–	–
Bacillales	37–47%	–	–	–
Clostridia	32–46%	–	–	Обнаружен только у <i>Thermoanaerobacter</i> sp. (35–43%)
Lactibacillales	44–39%, у <i>Carinobacterium</i> sp. и <i>Enterococcus</i> sp. не обнаружен	–	–	–
Mollicutes	22–39%	–	–	–
Rickettsiales	27–32%	–	–	–
Bordetella	42%	65%	–	40–45%
Burkholderia	38–40%	75%	–	–
Neisseriaceae	36–40%	69–73%	–	Обнаружен только у <i>Chromobacterium violaceum</i> (47%)
Enterobacteriales	61–100%	–	48–100%	41–100%

этом имеет место специфичное соединение димера HU и GalR [14]. Подобный механизм определяет локализацию начала Mu-транспозиции [4].

Для некоторых бактерий продемонстрирована важность белков семейства HU для деления. Так, показана невозможность получения ноль-мутантов по гену гистоноподобного белка HLP (гомологу HU) для *Streptococcus intermedius*, штамм которого с индуцированной транскрипцией антисмысловой Si-*hlp* РНК терял способность к росту и демонстрировал значительные изменения морфологии клеток и клеточной стенки [15]. Стоит заметить, что инактивация генов *hu* у ряда других бактерий приводила к дефектам их роста, но, тем не менее, такие клетки оставались способны к делению. Было также показано участие HU в процессах репарации ДНК *in vitro* [16].

Микобактерии также синтезируют гистоноподобные белки – HLP (HupB, MDP1), близкие к белкам HU других зубактерий, но отличающиеся от них аминокислотной последовательностью. HLP больше по размеру других HU белков, N-концевая последовательность HLP микобактерий гомологична N-концевой последовательности HU, C-концевой домен, богатый пролином, аланином и лизином, содержит мотив, соответствующий эукариотическому гистону H1, который включает повторяющиеся по-

следовательности РАККА, обеспечивающие специфическое связывание белка с ДНК [17].

Белки HLP микобактерий, по-видимому, необходимы для переживания стрессовых условий. Так, холодный шок у *Mycobacterium smegmatis* приводит к усилению экспрессии *hlp* генов [18]. Ноль-мутант по гистоноподобному белку оказался неспособным к росту при 10°C [19]. Усиление уровня экспрессии *hlp* также было выявлено у покоящихся клеток *M. smegmatis* в микроаэрофильных условиях (модель Вэйна) [20]. По-видимому, это обусловлено необходимостью структурной перестройки нуклеоида при формировании состояния покоя. Тем не менее, ноль-мутанты по гену *hlp* оказались способны переходить в нерепликативное состояние, и жизнеспособность клеток в этом состоянии не отличалась от дикого типа *M. smegmatis*. Авторы предположили, что это может быть связано с наличием других ДНК-связывающих белков, способных компенсировать недостаток HLP [20]. Этим данным противоречат результаты экспериментов, полученных на другой модели покоя *M. smegmatis*. Было продемонстрировано, что некультивируемые формы ноль-мутанта по гену *hlp* неспособны к реактивации в отличие от клеток дикого штамма, что свидетельствует о важнейшей роли белка HLP в формировании состояния покоя микобактерий [21]. На модели образования культивируемых покоящихся форм,

морфологически отличных от вегетативных клеток, показано, что отсутствие HLP не влияет на образование морфологически отличных форм, но его отсутствие приводит к потере устойчивости этих форм к стрессовым факторам таким, как повышенная температура и ультрафиолет [22]. Удивительным является факт, что HLP, помимо присутствия в цитоплазме, возможно, локализуется также и на внешней поверхности клеточной стенки микобактерий (заметим, ген *hlp* не содержит сигнальной последовательности, обеспечивающей секрецию белка). Более того, показано, что HLP регулирует функцию миколтрансфераз, непосредственно связываясь как с ними, так и с субстратом — трегалозомономиколатом на поверхности клеточной стенки [19]. HLP играет роль в колонизации тканей *S. intermedius* и *Mycobacterium leprae*. Возможно, именно с клеточной стенкой связано участие HLP в одном из ключевых этапов патогенеза — адгезии [23, 24]. Однако такая связь HLP с бактериальной стенкой *M. smegmatis* не была обнаружена [24].

Семейство IHF. Белок IHF первоначально был открыт как кофактор сайт-специфической системы рекомбинации [2]. По своей структуре IHF является гомологом HU (30–40% идентичности).

В отличие от HU, IHF — облигатный гетеродимер. Его способность к неспецифическому связыванию с ДНК значительно слабее, чем у HU [25]. IHF специфически связывается с сайтами, содержащими последовательность вида WATCARXXXTTTR. Где W — это А или Т; X — это А, Т, С или G; R — это А или G. Такая связь очень прочна [5]. IHF, по-видимому, играет важную роль в организации нуклеоида. Было показано, что IHF может конденсировать линейную молекулу ДНК в более компактную произвольно скрученную структуру [4]. Помимо организации нуклеоида, IHF участвует в некоторых регуляторных процессах. Так, этот белок играет важную роль в горизонтальном переносе генов. Активация бактериального транспозона Tn10 обеспечивается индуцированной IHF перестройкой ДНК и связыванием белка с транспозосомой.

IHF присоединяется к специфическим сайтам в промоторной области, формируя петли ДНК, позволяющие взаимодействовать РНК-полимеразе и удаленным регуляторным белкам. Подобным образом, он облегчает сборку комплексов инициации в *ori*-сайтах плазмид [6]. Так же, как и HU, IHF стимулирует расплетание ДНК в области *oriC* у *E. coli*, регулируя сборку пререпликативного комплекса [26]. У *Pseudomonas fluorescens* IHF участвует в регуляции экспрессии оперона *styABCDE*, ответственного за синтез стиренов. IHF связывается с участком промотора, конкурируя с StyR-P и препятствуя формированию петли ДНК, подавляющей экспрессию *styABCDE* [27]. Аналогичным образом у *E. coli* IHF

обеспечивает регуляцию промотора *hpaGEDFHI* оперона, ответственного за катаболизм ароматических соединений. IHF конкурирует с CRP (catabolite repression protein), который подавляет транскрипцию *hpaGEDFHI* оперона [28].

Семейство H-NS. Размеры белков H-NS близки к HU (15.5 кДа). Молекула содержит 136 аминокислот и состоит из двух независимых доменов. Первые 64 остатка формируют структуру, способную блокировать активный центр полноразмерной молекулы в результате белок-белковых взаимодействий (образуется гетеродимер). Оставшиеся аминокислоты формируют антипараллельный β -слой, α -спираль и 3_{10} -спираль, формирующую гидрофобное ядро. Именно этот домен ответственен за взаимодействие H-NS с ДНК [29]. Во многих бактериальных таксонах H-NS кодируется несколькими генами, значительно отличающимися друг от друга (до пяти копий у *Pseudomonas putida* и *Shigella flexneri*) [30]. Это дает возможность предположить, что в одной клетке может находиться несколько типов таких молекул, которые способны формировать гетеродимеры и олигомеры [31, 32]. Связывание H-NS с ДНК не специфично, однако области с высоким содержанием АТ оказываются более предпочтительными [4]. Решающее значение для связывания с H-NS имеет степень изогнутости ДНК. *In vitro* было показано, что H-NS плохо садится на слабо изогнутый участок ДНК, но демонстрирует очень высокую аффинность к сильно изогнутым участкам молекулы. [33]. Следует отметить, что эффективность связывания H-NS с транспозоном оказалась независимой от степени изогнутости ДНК [25].

Основными функциональными единицами H-NS являются димеры, которые, в свою очередь, олигомеризуются, формируя сложные структуры и связывая различные участки ДНК. H-NS способен соединять два участка ДНК наподобие застёжки-молнии [2].

По-видимому, H-NS является антагонистом HU, выполняя противоположные функции в формировании структуры нуклеоида и в регуляции экспрессии генов. При низких концентрациях HU умеренно компактизирует ДНК, формируя подвижные изгибы и суперскрученность.

При увеличении концентрации белка HU ДНК приобретает форму жестких, спиральных тяжей, при этом HU не вызывает значительной конденсации ДНК, а обеспечивает открытое состояние циклическим молекулам ДНК (например, плазмиде pUC19). Молекула приобретает форму идеального кольца, которое поддерживается за счет белок-белкового взаимодействия между димерами. В то же время в присутствии H-NS происходит компактизация таких плазмид до гантелеобразной структуры.

Белок HU способен локально обращать вызванную H-NS конденсацию ДНК [10].

Активность РНК полимеразы фага T7 значительно выше в присутствии HU, в то же время H-NS, как правило, работает в качестве репрессора транскрипции. Помимо этого, у ноль-мутантов по HU наблюдается усиление подавления транскрипции некоторых генов, по-видимому, за счет действия белков H-NS. HU способен ослабить такое подавление транскрипции [34]. Было показано, что H-NS подавляет экспрессию многих, не связанных между собой генов грамотрицательных бактерий [35, 30], что позволяет рассматривать H-NS в качестве глобального репрессора. Редкие случаи усиления экспрессии генов H-NS, видимо, объясняются его непрямым действием, вероятно, за счет взаимодействия со специфическим для данного гена репрессором [36]. Существует ряд общих черт в механизмах подавления H-NS транскрипции разных генов. Последовательно происходят следующие события. Белок садится на изогнутый участок ДНК, содержащий промотор, причем сайтов связывания H-NS, как минимум, два. При этом часть ДНК, “отсеченная” H-NS комплексом, формирует петлю, в которой оказывается захваченной РНК полимеразы [4, 10].

Способность H-NS образовывать ДНК петли обусловлена его структурой. N-конец обеспечивает возможность формирования олигомеров, а два функциональных домена на C-конце позволяют образовывать связи с ДНК. Олигомеры H-NS замыкают смежные области растянутых участков ДНК, в результате образуется петля [31]. Эти структуры могут быть разрушены другими гистонподобными белками (HU) или обычными транскрипционными факторами, а также температурным воздействием и изменениями осмотических характеристик среды. Таким образом, многим генам необходимо внешнее воздействие для преодоления H-NS репрессии [37]. Следует отметить, что H-NS может образовывать гетеромеры с другими белками. Так, у некоторых грамотрицательных бактерий этот гетеромер включает белок StpA, последовательность которого имеет 58% сходства с последовательностью H-NS. Влияние подобных комплексов на активность H-NS в настоящее время не ясно [4]. Накоплено большое количество данных, свидетельствующих о ключевой роли H-NS в обеспечении “молчания” генов, входящих в так называемые “острова патогенности” PI (pathogenity islands), например у *Yersinia* и *Salmonella* [38].

По-видимому, H-NS, так же, как и белки IHF, принимает участие в горизонтальном переносе генов. Так, у мутантов с поврежденным геном *hns* частота транспозиции Tn10 значительно снижалась

[39], а добавление H-NS в реакцию транспозиции *in vitro* стимулировало ее [40].

Семейство FIS. FIS является гомодимером, каждая субъединица которого состоит из 98 аминокислот. N-конец гибок и неорганизован. Он переходит в 4 α -спирали, соединенные с двумя спиралями C-конца, ответственного за связывание с ДНК [41]. В высоких концентрациях FIS способен связываться с ДНК неспецифически, однако в клетке FIS связывает и изгибает только определенные ДНК мишени [42]. Относительное содержание в клетке FIS наиболее велико в экспоненциальной фазе роста, а с наступлением стационарной фазы его количество резко падает [43–45].

FIS играет существенную роль в регуляции ДНК-связанных процессов. Этот белок рассматривается как глобальный регулятор метаболизма, влияющий на физиологию клетки путем изменения структуры хромосомы [44]. Так, FIS способствует усилению транскрипции путем уменьшения уровня негативной суперспирализации ДНК. Связь FIS с ДНК обеспечивает выделение петли из суперскрученной молекулы. Предполагается, что FIS локально регулирует уровень суперскручивания ДНК, для обеспечения его на уровне, оптимальном для функционирования промоторов, которые располагаются на апексах сформированной петли [46]. Уровень суперскручивания ДНК контролируется двумя противоположными процессами: работой ДНК-гиразы и топоизомераз. FIS подавляет экспрессию генов *gyrA* и *gyrB*, кодирующих ДНК-гиразу у *E. coli*. Он связывается с комплексом инициации транскрипции *gyrA* и *gyrB* и препятствует его переходу в открытое, активное состояние, блокируя экспрессию [47]. Он также активирует один из промоторов *topA*, кодирующий топоизомеразу I, в ответ на действие окислительного стресса [48].

FIS участвует в регуляции генов вирулентности бактерий. Он подавляет вызванную H-NS репрессию, например, активируя гены вирулентности у *Shigella*. Повышение концентрации FIS приводит к отсоединению H-NS от ДНК и индуцирует экспрессию *virF* [49]. Уровень транскрипции гена *fis* зависит от концентрации FIS белка, который подавляет собственный промотор по принципу негативной ауторегуляции [50]. FIS увеличивает скорость транскрипции в промоторах некоторых генов *E. coli*, взаимодействуя с α -субъединицей РНК-полимеразы [51]. Так, FIS обеспечивает регуляцию промоторов рибосомальных генов, вызывая увеличение уровня их транскрипции [52]. Кроме того, FIS может работать в качестве репрессора транскрипции, например, ослабляя действие промотора, контролирующего *guaVA* оперон, ответственный за синтез ГМФ [53].

Наряду с IHF, FIS регулирует промотор оперона *hpaGEDFHI*, ответственного за катаболизм ароматических соединений у *E. coli*. На богатой среде (LB), FIS подавляет работу этого промотора, выключая данный катаболический путь [28]. Работа многих промоторов обеспечивается путем взаимодействия с IHF и FIS. Так, активация *nir* оперона *E. coli* (кодирует NADH-зависимую нитритредуктазу) регуляторным FNR белком модулируется IHF и FIS. Промотор *nir* содержит два сайта связывания IHF. Связывание IHF с первым приводит к репрессии, со вторым – к активации транскрипции. Связывание FIS с этим промотором подавляет транскрипцию [54]. Подавление транскрипции оперона вызвано нарушением связывания РНК-полимеразы с промотором после связывания с IHF и FIS. Баланс между активацией и репрессией оперона белками IHF и FIS обеспечивает тонкую регуляцию процесса синтеза нитритредуктазы [55].

Существует ряд малоизученных гистоноподобных белков, которые невозможно отнести ни к одному из пяти описанных семейств из вышеприведенной классификации. Так, у *Mycobacterium tuberculosis* был обнаружен гистоноподобный белок Lsr2. Его последовательность не является гомологичной ни одному другому гистоноподобному белку. Это небольшой основной белок с массой 12 кДа, способный образовывать мультимерные структуры. Lsr2 неспецифически связывается с ДНК, отдавая предпочтение ее циклическим вариантам, вызывая суперспирализацию. Этот белок ответственен за подавление экспрессии *efpA* и *iniBAC*, вызывающих устойчивость *M. tuberculosis* к антибиотикам (multi-drug tolerance). Инактивация *lsr2*, как и в случае с HLP, приводила также к изменению липидного состава клеточной стенки [56].

Гистоноподобные белки Hc1 и Hc2 (H1-like proteins) хламидий обеспечивают структурные перестройки хроматина. Жизненный цикл хламидий характеризуется наличием двух форм, – ретикулярных тел (внутриклеточная форма), и элементарных тел (внеклеточные, по-видимому, покоящиеся формы) [57]. Белок Hc1 консервативен, в то время как масса Hc2 варьирует у разных видов, а у некоторых видов он отсутствует [58]. Гиперэкспрессия Hc1 и Hc2 в *E. coli* приводит к повышенной компактизации хроматина, что делает невозможным транскрипцию, трансляцию и деление. Однако снять летальный эффект такой гиперэкспрессии этих белков оказалось возможным путем внесения в *E. coli* плазмиды, несущей ген *ispE* хламидии, кодирующий один из промежуточных метаболитов немевалонатного пути синтеза изопреноидов [58]. Предполагается, что белки Hc1 и Hc2 участвуют в переходе клеток хламидий в покоящееся состояние (внеклеточные формы), а метаболит немевалонатного пути контролирует обратимость этого состоя-

ния. Возможно, эта схема работает и в других случаях образования покоящихся форм. Так, было обнаружено, что гиперэкспрессия гена *ispE M. smegmatis* приводит к спонтанной реактивации покоящихся форм, что может говорить о влиянии продукта этого гена на предполагаемую компактизацию ДНК у микобактерий, вызванную гистоноподобными белками [59].

***

Бактериальный нуклеоид – сложная структура, имеющая несколько уровней организации от первичной последовательности пар оснований нуклеотидов до третичной структуры бактериальной хромосомы. На протяжении жизненного цикла бактерии происходит структурная реорганизация нуклеоида с образованием суперскрученных участков ДНК. Структура доменов непостоянна и в процессе метаболизма изменяется, что обеспечивает постоянную реорганизацию хромосомы, необходимую для изменения физиологического статуса клетки. Гистоноподобные белки играют ключевую роль в этом процессе, принимая участие в организации отдельных суперскрученных петель, поддерживая “топологический гомеостаз” в клетке [60]. Эта функция осуществляется гистоноподобными белками за счет различных механизмов, в числе которых изгибание (белки типа “benders”), скручивание (белки типа “wrappers”) и формирование петель-сшивок (белки типа “bridgers”). Гистоноподобные белки прокариот представлены несколькими семействами основных белков с малой молекулярной массой, объединенных по особенностям структуры и связывания с ДНК. Представители разных семейств гистоноподобных белков осуществляют различные функции, хотя иногда у них наблюдается и их перекрывание. Кроме структурной функции гистоноподобных белков, которая хорошо изучена у эукариот, у бактерий эти белки участвуют непосредственно в регуляции отдельных оперонов. В этом смысле функция гистоноподобных белков прокариот значительно шире, чем у эукариотических гистононов. Показано, что результат функционирования гистоноподобных белков как регуляторов может быть противоположен, например, стимуляция и репрессия транскрипции, что позволяет осуществлять тонкую регуляцию экспрессии генов.

Особая роль гистоноподобных белков состоит в их участии в глубокой реорганизации хромосомы (стабилизации ее структуры) при переходе клеток в состояние покоя. Потеря способности микобактерий к реактивации в отсутствие гистоноподобного белка позволяет рассматривать соответствующий делеционный мутант в качестве потенциального вакцинного препарата.

Наши знания о бактериальных гистоноподобных белках в настоящее время ограничены, но оче-

видно, что их детальное исследование важно для понимания молекулярных основ адаптации бактерий к изменяющимся условиям их существования.

Работа выполнена при поддержке ФЦП “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России”. Государственные контракты № 14.740.11.0801, № 14.740.11.1056, № 14.740.11.0246.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Lewin B. Genes. N.-Y., Tokyo: Oxford Univ. Press, 1994. 1272 p.
- Thanbichler M., Wang S.C., Shapiro L. // J. Cell. Biochem. 2005. V. 96. № 3. P. 506–521.
- Rouviere-Yaniv J., Gros F. // Proc. Natl. Acad. Sci. USA. 1975. V. 72. № 9. P. 3428–3432.
- Dorman C.G., Deighan P. // Curr. Opin. Genet. Dev. 2003. V. 13. № 2. P. 179–184.
- Swinger K.K., Rice P.A. // Curr. Opin. Struct. Biol. 2004. V. 14. № 1. P. 28–35.
- Goodman S.D., Nickolson S.C., Nash H.A. // Proc. Natl. Acad. Sci. USA. 1992. V. 89. № 24. P. 11910–11914.
- Kamashev D., Balandina A., Rouviere-Yaniv J. // EMBO J. 1999. V. 18. № 19. P. 5434–5444.
- Benevides J.M., Danahy J., Kawakami J., Thomas G.J. // Biochemistry. 2008. V. 47. № 12. P. 3855–3862.
- Hodges-Garcia Y., Hagerman P.J., Pettijohn D.E. // J. Biol. Chem. 1989. V. 264. № 25. P. 14621–14623.
- Dame R.T., Goosen N. // FEBS Lett. 2002. V. 529. № 2–3. P. 151–156.
- Lavoie B. D., Chaconas G. // Genes Dev. 1993. V. 7. № 12B. P. 2510–2519.
- Megraw T., Chae C. // J. Biol. Chem. 1993. V. 268. № 17. P. 12758–12763.
- Megraw T.T., Kao L.R., Chae C.B. // Biochimie. 1994. V. 76. № 10–11. P. 909–916.
- Aki T., Adhya S. // EMBO J. 1997. V. 16. № 12. P. 3666–3674.
- Liu D., Yumoto H., Murakami K., Hirota K., Ono T., Nagamune H., Kayama S., Matsuo T., Miyake Y. // Mol. Microbiol. 2008. V. 68. № 5. P. 1268–1282.
- Pontigga A., Negri A., Beltrame M., Bianchi M.E. // Mol. Microbiol. 1993. V. 7. № 3. P. 343–350.
- Mukherjee A., Bhattacharyya G., Grove A. // Biochemistry. 2008. V. 47. № 33. P. 8744–8753.
- Shires K., Steyn L. // Mol. Microbiol. 2001. V. 39. № 4. P. 994–1009.
- Katsube T., Matsumoto S., Takatsuka M., Okuyama M., Ozeki Y., Naito M., Nishiuchi Y., Fujiwara N., Yoshimura M., Tsuboi T., Torii M., Oshitani N., Arakawa T., Kobayashi K. // J. Bacteriol. 2007. V. 189. № 22. P. 8241–8249.
- Lee B.H., Murugasu-Oei B., Dick T. // Mol. Gen. Genet. 1998. V. 260. P. 475–479.
- Anuchin A.M., Goncharenko A.V., Demina G.R., Mulyukin A.L., Ostrovsky D.N., Kaprelyants A.S. // FEMS Microbiol. Lett. 2010. V. 308. № 2. P. 101–107.
- Anuchin A.M., Goncharenko A.V., Galon I.V., Demidenok O.I., Kudykina Iu.K., Moisenovich M.M., Muliukin A.L., Kaprelyants A.S. // Prikl. Biokhim. Mikrobiol. 2010. V. 46. № 3. P. 308–314.
- Stinson M.W., McLaughlin R., Choi S.H., Juarez Z.E., Barnard J. // Infect. Immun. 1998. V. 66. № 1. P. 259–265.
- Portugal M.I., Todeschini A.R., Lima C.S., Silva C.A., Mohana-Borges R., Ottenhoff T. H., Mendonca-Previato L., Previato J., Pessolani M. C. // BMC Microbiol. 2008. V. 8. P. 72.
- Mukherjee A., DiMario P.J., Grove A. // FEMS Microbiol. Lett. 2009. V. 291. № 2. P. 232–240.
- Ryan V.T., Grimwade J.E., Nievera C.J., Leonard A.C. // Mol. Microbiol. 2002. V. 46. № 1. P. 121–124.
- Rampioni G., Leoni L., Pietrangeli B., Zennaro E. // BMC Microbiol. 2008. V. 8. P. 92.
- Balan B., Kolb A., Garcia J.L., Prieto M.A. // J. Biol. Chem. 2001. V. 276. № 40. P. 37060–37068.
- Rimsky S. // Curr. Opin. Microbiol. 2004. V. 7. № 2. P. 109–114.
- Tendeng C., Bertin P.N. // Trends Microbiol. 2003. V. 11. № 11. P. 511–518.
- Dorman C.J., Hinton J.C., Free A. // Trends Microbiol. 1999. V. 7. № 3. P. 124–128.
- Ceschini S., Lupidi G., Coletta M., Pon C.L., Fioretti E., Angeletti M. // J. Biol. Chem. 2000. V. 275. № 2. P. 729–734.
- Dame R.T., Wyman C., Goosen N. // Biochimie. 2001. V. 83. № 2. P. 231–234.
- Morales P., Rouviere-Yaniv J., Dreyfus M. // J. Bacteriol. 2002. V. 184. № 6. P. 1565–1570.
- Hommais F., Krin E., Laurent-Winter C., Soutonina O., Malpertuy A., Le Caer J.P., Danchin A., Bertin P. // Mol. Microbiol. 2001. V. 40. № 1. P. 20–36.
- Schröder O., Wagner R. // Biol. Chem. 2002. V. 383. № 6. P. 945–960.
- Yu R.R., DiRita V.J. // Mol. Microbiol. 2002. V. 43. № 1. P. 119–134.
- Navarre W.W., McClelland M., Libby S.J., Fang F.C. // Genes Dev. 2007. V. 21. № 12. P. 1456–1471.
- Swingle B., O’Carroll M., Haniford D., Derbyshire K.M. // Mol. Microbiol. 2004. V. 52. № 4. P. 1055–1067.
- Wardle S.J., O’Carroll M., Derbyshire K.M., Haniford D.B. // Genes Dev. 2005. V. 19. № 18. P. 2224–2235.
- Kostrewa D., Granzin J., Koch C., Choe H.W., Raghunathan S., Wolf W. // Nature. 1991. V. 349. № 6305. P. 178–180.
- Shao Y., Feldman-Cohen L.S., Osuna R. // J. Mol. Biol. 2008. V. 380. № 2. P. 327–339.
- Ball A., Osuna R., Ferguson K.C., Jonson R.C. // J. Bacteriol. 1992. V. 174. № 24. P. 8043–8056.
- Azam T.A., Ishihama A. // J. Biol. Chem. 1999. V. 274. № 46. P. 33105–33113.
- Ninnemann O., Koch C., Kahmann R. // EMBO J. 1992. V. 11. № 3. P. 1075–1083.
- Travers A., Schneider R., Muskhelishvili G. // Biochimie. 2001. V. 83. № 2. P. 213–217.
- Schneider R., Travers A., Kutateladze T., Muskhelishvili G. // Mol. Microbiol. 1999. V. 34. № 5. P. 953–964.

48. *Weinstein-Fischer D., Elgrably-Weiss M., Altuvia S.* // *Mol. Microbiol.* 2000. V. 35. № 6. P. 1413–1420.
49. *Falconi M., Prosseda G., Giangrossi M., Beghetto E., Colonna J.* // *Mol. Microbiol.* 2001. V. 42. № 2. P. 439–452.
50. *Walker K.A., Atkins C.L., Osuna R.* // *J. Bacteriol.* 1999. V. 181. № 4. P. 1269–1280.
51. *Ailyar S.E., McLeod S.M., Ross W., Hirownen C.A., Thomas M.S., Jonson R.C., Gourse R.L.* // *J. Mol. Biol.* 2002. V. 316. № 3. P. 501–516.
52. *Hirvonen C.A., Ross W., Wozniac C.E., Marasco E., Anthony J.R., Aiyar S.E., Newburn V.H., Gourse R.L.* // *J. Bacteriol.* 2001. V. 183. № 21. P. 6305–6314.
53. *Husnain S.I., Thomas M.S.* // *Microbiology.* 2008. V. 154. № 6. P. 1729–1738.
54. *Browning D.F., Cole J.A., Busby J.W.* // *Mol. Microbiol.* 2004. V. 53. № 1. P. 496–510.
55. *Browning D.F., Cole J.A., Busby S.J.* // *J. Bacteriol.* 2008. V. 190. № 21. P. 7258–7267.
56. *Chen J.M., Ren H., Shaw J.E., Wang Y.J., Li M., Leung A.S., Tran V., Berbenetz N.M., Kocíncová D., Yip C.M., Reyrat J.M., Liu J.* // *Nucleic Acids Res.* 2008. V. 36. № 7. P. 2123–2135.
57. *Grieshaber N.A., Sager J.B., Dooley C.A., Hayes S.F., Hackstadt T.* // *J. Bacteriol.* 2006. V. 188. № 14. P. 5289–5292.
58. *Baaklini I., Usongo V., Nolent F., Sanscartier P., Hraiky C., Drlica K., Drolet M.* // *J. Bacteriol.* 2008. V. 190. № 22. P. 7346–7356.
59. *Luijsterburg M.S., White M.F., Driel R., Dame R.T.* // *Crit. Rev. Biochem. Mol. Biol.* 2008. V. 43. № 6. P. 393–418.
60. *Dame R.T., Wyman C., Wurm R., Wagner R., Goosen N.* // *J. Biol. Chem.* 2002. V. 277. № 3. P. 2146–2150.

Histone-Like Proteins of Bacteria (Review)

A. M. Anuchin, A. V. Goncharenko, O. I. Demidenok, and A. S. Kaprelyants

Bach Institute of Biochemistry, Russian Academy of Sciences, Leninskii pr. 33, Moscow, 119071 Russia

e-mail: demidenoksana@gmail.com

Received December 8, 2010

Abstract—Four major families of bacterial histone-like proteins (HU, IHF, H-NS, FIS), united on the basis of structural similarity and performing specific structural and regulatory functions in the cell, are discussed. Histone-like proteins perform topological modification of the chromosome (twisting, bending, and folding) and directly regulate the functioning of promoters of individual operons. Histone-like proteins are critical for the regulation of cell metabolism, are involved in the response to environmental changes, and play a key role in the transition to and maintenance of the quiescent state of bacteria.